

Б.М. МИРКИН, С.В. МЕЙЕН И БРАУН-БЛАНКИЗМ В ПАЛЕОБОТАНИКЕ¹

И.А. Игнатъев

Ключевые словаБ.М. Миркин
Метод Браун-Бланке
палеоботаника**Аннотация.** Рассмотрен вклад профессора Б.М. Миркина в становление парасинтаксономии – учении о разнообразии древних растительных сообществ. Приведены фрагменты относящейся сюда переписки Б.М. Миркина с С.В. Мейеном. Обрисованы духовный облик Б.М. Миркина и значение его деятельности для развития российского браун-бланкизма.**Поступила в редакцию** 28.05.2018

Выдающийся российский фитоценолог, эколог, преподаватель и организатор науки, Б.М. Миркин внес существенный вклад в становление парасинтаксономии – возникшего около тридцати лет назад раздела палеоботаники, занимающегося классификацией древних растительных сообществ по методу Ж. Браун-Бланке.

Прелюдией к этому послужило знакомство Бориса Михайловича с крупнейшим отечественным палеоботаником и теоретиком биологии С.В. Мейеном (1935–1987). Как вспоминал позднее Борис Михайлович, «инициатором установления отношений выступил сам Сергей Викторович. Фамилия его мне была знакома, но тогда еще я не особенно интересовался общими проблемами и, уткнувшись носом в фитоценологическую софистику, был вполне удовлетворен той нишей, которую занимал в науке. В 1978 году я получил письмо, написанное на бланке оргкомитета VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона, где секретарем оргкомитета был Сергей Викторович. Письмо было краткое. Неизвестный мне Мейен сообщал, что ему часто дают редактировать статьи по ботанике из «Журнала общей биологии» и что он заинтересован в уве-

личении контингента пишущих авторов. Он в библиотеке пролистал мою монографию «Закономерности развития растительности речных пойм» [М., Наука, 1974], увидел там схему сукцессионных связей с ветвлениями и возвратами, и этот сукцессионный плюрализм задел какую-то из многочисленных струн его интеллекта (позже я понял, какую именно – С.В. терпеть не мог «скоропалительно-однозначных» истин в последней инстанции). С.В. предложил мне написать статью о сравнении эволюции на уровне организмов и сообществ...».

Постепенно установилось сотрудничество, со временем перешедшее в личное знакомство и глубокую взаимную симпатию. «И началась моя «ЖОБиана», – вспоминал Б.М., – каждый год я писал по теоретической статье и по несколько критических рецензий, постепенно сектор за сектором перелопачивая фитоценологию. С.В. по договоренности получал статьи неофициально, читал их, делал замечания (всегда более, чем умеренно) и рекомендовал в печать. Так продолжалось девять лет подряд, включая последнюю статью, опубликованную в 1987 году и посвященную сравнительному анализу таксономии и синтаксономии»² (Миркин, 1987).

© 2018 Игнатъев И.А.

Игнатъев Игорь Анатольевич, н.с. лаб. палеофлористики, Геологический институт РАН; 119017, Россия, Москва, Пыжевский пер., 7; ignatievia@ginras.ru

¹ Статья представляет собой переработанный и расширенный вариант публикации Игнатъев И.А. Б.М. Миркин и метод Браун-Бланке в палеоботанике. *Lethaea rossica. Российск. палеоботанич. журн.*, 2017, т. 15, с. 134–137.

² Миркин Б.М. 1987. Таксономия и синтаксономия: черты различия и сходства. *Журн. общ. биол.*, 1987, т. 48, № 1, с. 41–50.

Наши личные контакты были немногочисленными, хотя и очень теплыми и дружескими, так как С.В. был по-настоящему компанейским человеком. Любил, чтобы его слушали, и умел слушать сам. Но говорил он и умел так необычно видеть очевидные вещи, что, как правило, я в основном слушал. А потом думал об услышанном по несколько дней.

Наша первая встреча в Москве состоялась у станции метро «Новокузнецкая». Мы друг друга в глаза не видели и договорились, что опознавать меня будет он, так как у меня все же были усы, а он никаких достопримечательностей о своей внешности сообщить не мог. Я ждал кого угодно, только не совсем молодого и худощавого человека в демисезонном пальтишке и простой кроличьей шапке. Он тут же закурил сигарету, я поддержал компанию и прокурили мы больше часа, после чего отправились к нему в лабораторию и он показал мне кое-какие образцы.

Наверно года через четыре после этого мы встретились у него дома. Мы собирались провести, как он сам говорил «симпосий на кухне» много раньше, но все не было времени. Мои командировки в Москву были короткими, да и у С.В. нередко на вечер было что-то назначено. Наконец, мы встретились у него дома, я познакомился с его внуком Петей-Петушком, женой Ритой. <...>

Последний раз года за два до трагической кончины С.В. мы посетили Мейенов с К.О. Коротковым. Нас ждали, на столе стояла «Столичная». С.В. как-то странно посмотрел на жену и сказал: «Рит, я вообще-то только два дня принимаю лекарства, сегодня я уж с ними посижу, а завтра начну все с начала». Болезнь подступала к С.В., хотя никто тогда не мог знать, чем все это кончится. <...>

Последний раз я увидел С.В. почти случайно. В одном из институтов он читал лекцию о СТЭ и ее критике. <...> С.В. был настроен весьма решительно и четко изложил свои возражения по многим пунктам СТЭ. <...> С.В. спокойно выслушивал замечания, и чувствовалось, что он предвкушает возмож-

ность острой дискуссии. Отвечал он убедительно, но понимали его, увы, плохо, так как собравшиеся экспериментаторы очень неважно ориентировались в методологии современного познания и перечисляемые С.В. фамилии ведущих философов не вызывали у аудитории никаких ассоциаций, она в большинстве своем продолжала верить в однозначность и скорую познаваемость любых законов природы.

Мы поздоровались, но поговорить не смогли, так как несколько «китов» решили пообсуждать с С.В. проблемы СТЭ в более узком кругу. <...>

После этого между нами внезапно завязался очень интенсивный диалог в письмах, и менее чем за год С.В. прислал мне четыре больших письма.

Кроме того, в это же время я прислал С.В. последнюю из просмотренных им статей, которая была навеяна чтением монографии В. Гранта о видообразовании (Грант, 1984)³, а С.В. в это время начал заниматься чем-то вроде «палеофитоценологии» и размышлял над возможностями реконструкции не только истории флор, но и истории растительности. Таким образом, мои «Основы» оказались ему полезными для того, чтобы познакомиться с тем видением фитоценологии, которого я придерживался.

Проблемы сравнения синтаксономии и таксономии были для него еще ближе, так как классификация оставалась для С.В. постоянной темой, которая иногда звучала в его работах как главная, иногда модулировалась во второстепенную, но присутствовала практически во всех его трудах. Если запутана классификация существующих организмов и их сообществ, то каково палеоботаникам, для которых разные части одного экземпляра оказываются в разных таксонах, а остатки сообществ настолько изменены неодинаковыми условиями захоронения разных сообществ, различной способностью к сохранению у разных видов, и кроме того – приносом фосфорных извне, что классифицировать эти фито-

³ Грант В. 1984. Видообразование у растений. М.: Мир, 1984, 528 с.

ориктоценозы крайне рискованно. И С.В. искал возможности классифицировать и виды, и их сочетания, причем максимально упорядочивая накопленную информацию и облегчая ориентацию в ней (вспомним его «привилегированные» и вспомогательные классификации) он не хотел своей системой закрыть возможности дальнейших усовершенствований. Именно эти сложности классификации палеоботанических объектов были во многом близки к задачам классификации континуального объекта, которым являлась растительность, и по своему духу были близки интересам С.В.

Можно смело сказать, что за десять лет общения С.В. дорастил меня до того уровня, когда как собеседник я стал ему интересен. И именно на этой фазе общения они оборвались...».

После выхода моих «Теоретических основ»⁴ С.В. написал мне письма от 2 мая и 29 июня 1986 г., из которых совершенно очевидно, что он попал под их влияние. Приведу отрывок из письма от 2 мая:

«Вашу книжку прочли мои мальчишки, и мы много ее обсуждали за чаепитиями. Мне показалось, что Вы, когда писали книгу, не очень осознавали, что континуалистская концепция закладывает мину под селекционизм типа СТЭ. Можно даже сказать, что в отношении ботаники (растений) континуализм несовместим с СТЭ. Эта эволюционная теория совместима лишь с ультраорганизмизмом. Если связи таксонов в ценозах оказываются довольно слабыми, а связи синтаксонов с типами биотопов неизоморфными, то вообще получается высокая степень автономии таксонов и синтаксонов. Что может быть хуже для представлений о монополии отбора?

Чтение Вашей книги было для меня очень важно. Вроде бы порознь я слышал почти обо всем, но было недосуг сложить разрозненное в конструкцию. Эта конструкция и сложилась во время чтения. Я все время прокручивал каждый Ваш пассаж применительно к геологическому прошлому. Много я раньше в это

прошлое не проецировал. В результате начинает складываться некая пока еще очень общая картина флорогенеза вместе с экогенезом, складывается кодекс примитивности таксонов, синтаксонов и флор не в рецентной синхронии, а в исторической, документированной палеоботаникой диахронии. Думается, что растительный мир развивался (как и отечественная геоботаника) от большей дискретности к большей континуальности. Я давно пришел к выводу, что леса внетропических зон примитивны, а тропические леса продвинуты. Самая примитивная современная лесная растительность – сибирская тайга. С травянистой растительностью то же. Девонский травянистый покров – сплошные pure stands, причем повсеместно. В тропиках зарождались новые крупные таксоны, новые типы организации синтаксонов, а дальше шел «полярностремительный» спрединг, в котором леса отставали. Думаю, что экваториальные леса карбона были устроены так же, как нынешние бореальные леса. Организмичность синтаксонов – признак примитивности их. Все как в социальной сфере, где в развитых обществах все больше размываются классы и сословия, все труднее выделять кластеры для социологических обследований. Много еще в голове и всего не напишешь в письме. Так или иначе – поздравляю с книгой. Это для меня «книга года».

* * *

Я был одним из тех «мальчишек», которые с подачи С.В. Мейена, прочли и вдохновились идеями «Теоретических основ современной фитоценологии» Бориса Михайловича Другим был тогда молодой, подававший надежды палинолог Е.В. Зырянов, который в 1992 году эмигрировал в США и вскоре был вынужден уйти из науки.

Через некоторое время, заметив мой растущий интерес, С.В. принес мне все имевшиеся в его домашней библиотеке книги и оттиски статей по палеоэкологии растений и фитоценологии. Теперь они должны были

⁴ Миркин Б.М. Теоретические основы современной фитоценологии. М.: Наука, 1985, 137 с.

храниться у меня, а сам Сергей Викторович, когда в том возникала нужда, просил меня принести ему на время ту или иную публикацию.

Тогда же С.В. обратил мое внимание на метод Браун-Бланке, незадолго до этого успешно примененный для триасовой растительности Австралии американским палеоботаником Г. Реталляком. Его публикации, заботливо распространенные им по всему миру, остались, однако без какой-либо реакции со стороны коллег – фитоценологические таблицы и манипуляции с ними были непонятны для подавляющего большинства палеоботаников.

В бывшем СССР почти в те же годы некоторые внешние атрибуты метода Браун-Бланке, прежде всего латинские названия для реконструированных синтаксонов, использовал в своих статьях и в известной книжке «Палеоэкологии наземных растений» В.А. Красилов [Владивосток, ДВНЦ АН СССР, 1972]. Но сам метод, неразрывно связанный с техникой обработки фитоценологических таблиц, Красилов не применял.

С.В. предложил мне заняться этой темой, в том числе, разработать свою версию адаптации метода Браун-Бланке к ископаемому материалу. Конкретным материалом должны были послужить детальные сборы растительных остатков их опорных флороносных разрезов перми по рекам Адзье и Большой Сыне (Печорский угольный бассейн и Печорское Приуралье). Но, прежде всего, надо было познакомиться с самим методом Браун-Бланке, освоить технику обработки таблиц и практику их синтаксономической интерпретации. Сделать это по единственной доступной нам тогда книге А.Д. Александровой «Классификация растительности» (Л.: Наука, 1969) оказалось непросто, и Сергей Викторович решил обратиться за помощью к Борису Михайловичу. Но сделать этого не успел. Познакомиться с Б.М. я смог лишь спустя несколько лет после преждевременной кончины С.В. в марте 1987 года.

Случилось это во время одного из несчастных приездов Б.М. в Москву. Мы встретились

и познакомились на биофаке МГУ. До этого обменялись несколькими письмами. Я показал Б.М. черновые варианты составленных мною парциальных синтетических таблиц и рассказал о некоторых своих идеях относительно применения метода Браун-Бланке к ископаемому материалу. Б.М. очень благожелательно воспринял мои начинания, сделал ряд ценных комментариев, в том числе, – в части техники обработки и интерпретации фитоценологических таблиц, где у меня в то время не было никакого опыта.

После обсуждения Б.М. пригласил меня отобедать с ним в университетской столовой. Мои попытки расплатиться были пресечены им вежливо, но бесповоротно. Во время свободного общения Б.М. начал раскрываться с весьма неожиданных сторон – передо мной был не только выдающийся теоретик и практик фитоценологии, маститый ученый и профессор, но также завзятый театрал и горячий поклонник классической оперы, о которых он мог говорить долго и вдохновенно, и более того – настоящий артист. Например, Б.М. великолепно подражал и пародировал, с ходу вживаясь в образ. Юмор его был тонкий, иногда искрометный, язык – образным и сочным. Вообще, он великолепно держался перед аудиторией, мастерски дискутировал. В споре знал, где смолчать, а когда – броситься в бой, иногда безоглядно. И был, несмотря на мирную внешность, человеком не робкого десятка, а скорее бойцом с большим опытом: волевым, целеустремленным, хорошо «державшим удар». Я был очарован, и это впечатление сохраняется у меня до сих пор.

* * *

Со временем я узнал его лучше, хотя и не так глубоко, как хотелось бы мне, и как Б.М. несомненно того заслуживал. Впрочем, душа любого человека есть тайна, и как таковая требует к себе уважения. Она навсегда останется не проявленной до конца, прикровенной. А какие-то черты личности другого человека, особенно человека выдающегося, дабы не следовать дурному примеру библейского Хама, следует защищать молчанием. По-

этому ограничусь ниже лишь несколькими штрихами к ментальному портрету Б.М.

Выходец из небогатой семьи коммунистов и советских служащих, разделявших аскетические установки официального советского воспитания и образа жизни, Б.М. научился легко переносить материальные трудности и ограничения. В его личной шкале ценностей на первом месте однозначно стояло духовное – познание, истина, нравственное начало и прекрасное в разных его формах.

От природы живой и общительный, Б.М. не был аскетом, но и не стремился к избыточным материальным благам и вообще в каком-то смысле олицетворял собой экологический идеал в духе концепции «устойчивого развития». Жить в гармонии с собой, природой и окружающими людьми. При этом он был милостив и щедр, особенно к слабым и тем, кто нуждался в его помощи. Деньги не имели над ним своей сокрушительной власти.

Заметными чертами Б.М. были самодисциплина, самоконтроль, способность сосредоточиться на поставленной цели и систематически ее преследовать. По рассказам Б.М., к этому его приучили, не в последнюю очередь, серьезные физические недуги, досаждавшие ему много лет. Надо сказать, что в этиологии этих болезней он научился разбираться не хуже профессионалов, и при необходимости мог дать ценные терапевтические рекомендации товарищам по несчастью.

Будучи наделен многими талантами, приобретая с годами признание своих выдающихся заслуг в науке, Б.М. не позволял себе почитать на лаврах, уютно греясь в лучах своей или чужой славы. Всю свою жизнь он оставался большим тружеником. Все время чему-нибудь учился. И с признательностью называл имена своих учителей, которых, казалось, с годами становилось все больше. Это не значит, конечно, что у Б.М. не было амбиций, или, что он не знал реальной себе цены. Знал, конечно. И планы его нередко были величественны и амбициозны. Просто Б.М. понимал, что главное в жизни – дело, работа. А остальное, по большому счету, – лишь суета и томление духа!

Борис Михайлович был тонким психологом, глубоко понимавшим людей, глубинную мотивацию их мыслей и поступков. Он всерьез интересовался практической психологией и мгновенно ставил диагнозы некоторым из своих коллег. Например, одного заикленого на себе московского геоботаника он характеризовал как «психопатически акцентированную личность» и прочел мне целую лекцию о нарциссизме применительно к данному случаю.

Как любому человеку, Б.М., конечно, случалось обманываться и ошибаться в людях, как, например, в случае с одним его близких учеников. Одно время Б.М. очень рассчитывал на него как на своего преемника. Помог ему быстро защитить докторскую, подарил идею гомологических рядов растительных сообществ, всячески рекламировал и продвигал, но неумное стремление подопечного «к лучшей жизни» (прежде всего, в сугубо вещном, материальном смысле), подстегнутое тлетворным духом свободы от совести «лихих 90-х», оказалось непреодолимым.

По своему интеллектуальному складу Б.М. был плюралистом в том смысле, что в целом толерантно относился к разным убеждениям и точкам зрения, стараясь найти в каждой «рациональное зерно». Не любил «истин в последнее инстанции», был в высокой степени адогматичен, интеллектуально раскован и открыт всему новому. Он никогда не опускался до преследования носителей иных убеждений. Не навязывал своих взглядов, но постоянно развивал и углублял их. И при всем том был одним из самых идейных и убежденных людей, с которыми мне пришлось столкнуться в своей жизни. За истину, как он ее понимал, он стоял горой и мог серьезно рассориться даже с хорошими друзьями. Почти хрестоматийный образец интеллектуальной честности, Б.М., по-видимому, не отделял себя от своих убеждений, старался действовать в соответствии с ними и был человеком слова. Иначе говоря – тем самым «мужем благородным», подражать которому учили древние китайские мудрецы.

* * *

Вернемся, однако, к палеоботанике. Первые мои палеоботанические работы браун-бланкистской направленности были депонированы в ВИНТИ: Ученый совет Геологического института, в котором я работал тогда и тружусь до сих пор, махнул рукой на непонятные начинания молодого сотрудника. Мои доклады на ту же тему были выслушаны без агрессии, но и без интереса, не говоря уже о поддержке. На повестке дня стоял вопрос о детализации стратиграфических шкал. Это одно и интересовало начальство – будет ли здесь какой-либо прок от Браун-Бланке.

Хуже обстояло дело с попытками проникнуть в журнальную печать. Как и следовало ожидать, здесь возникли вполне предсказуемые трудности. «Палеонтологический журнал» не брал статьи браун-бланкистской направленности как слишком ботанические. Контролируемый Ботаническим институтом Академии «Ботанический журнал» – как формалистические и идейно вредные. Анонимные рецензенты встали стеной. И здесь на помощь опять-таки пришел опытейший Б.М., сумевший «провести» мои публикации сквозь полосу рифов в «Биологических науках» и «Журнале общей биологии».

С тех пор, до его кончины, мы переписывались, работали над совместными издательскими проектами...

* * *

Как уже подчеркивалось, Б.М. был не только замечательным ученым и импозантным университетским профессором, но и блестящим организатором науки. Здесь его можно сравнить разве с такими гигантами, как известный орнитолог и эволюционист Э. Майр, надолго сделавший синтетическую теорию эволюции (СТЭ) господствующим течением в биологическом эволюционизме. Немец на американской службе он не стоял у самых истоков СТЭ. Однако проявил себя выдающимся идеологом этой теории, распространителем и организатором – для этого ездил по всему миру, выступал с лекциями, готовил докторантов, распространял литера-

туру, основывал журналы, способствовал занятию сторонниками СТЭ академических позиций и мест в редколлегиях известных биологических изданий, писал многочисленные книги и статьи. И буквально через полтора десятилетия влияние СТЭ стало подавляющим. Опубликовать статью на эволюционную тему или получить грант на эволюционное исследование без обращения к господствующей, «единственно правильной» СТЭ оказалось практически невозможно. Тот же Майр принял на себя первые удары теории-конкурента – молекулярной биологии и молекулярной теории эволюции и успешно противостоял новому претенденту на лидерство.

В этом отношении Б.М. – подлинный основатель российского браун-бланкизма, его полководец и стратег. На этом поприще у него были предшественники, даже ученики самого Ж. Браун-Бланке, вроде О. Гребенщикова, но не было равных ему по масштабам и энергии организаторов. Можно лишь восхищаться тем, как Б.М., используя известную «стратегию не прямых действий» Б. Лиддел-Гарта, бескровно одолел господствовавший в советской и российской фитоценологии доминантный подход, адепты которого на дух не принимали метод Ж. Браун-Бланке.

Избегая прямых столкновений с влиятельными оппонентами, Б.М. сосредоточил свои усилия на нескольких стратегических направлениях. Мудро избегал боев и накапливал силы, готовил резервы. Первыми его шагами выработка идеологии, ядром которой стала концепция континуума растительности. Она легла в основу подготовки кадров, их последовательной идеологизации. Б.М. работал со студентами, консультировал специалистов и стажеров, проводил семинары, Всесоюзные совещания, Международные школы и школы-семинары. Устанавливал международные связи. Организовывал и курировал подготовку и защиту диссертаций браун-бланкистской направленности, налаживал преподавание соответствующих концепций и дисциплин в вузах. В географическом отношении он шел от периферии к центру, к цитаделям доминантного

подхода в Ленинграде (ныне – Санкт-Петербурге) и Москве, постепенно пришедшим в упадок и утрачивавшими контроль над провинцией.

В результате не прошло и двух десятилетий, и «климат» в отечественной фитоценологии заметно изменился. Фитоценологов-браунбланкистов стало заметно больше, чем представителей прежде господствовавшего течения. Они были моложе, инициативнее и энергичнее. Охвачены общей идеологией и базовыми концепциями. Возникли целые научные школы. Метод Браун-Бланке вышел за свои традиционные границы, в ту же палеоботанику – в палеофитоценологию и, в последние годы – и в палеофитогеографию.

Российский браун-бланкизм – лучший памятник Б.М. Миркину.

* * *

Размышляя о Б.М. Миркине, не могу отделаться от мысли, что по своему интеллектуальному уровню и заслугам перед наукой он по праву был должен занимать (и давно!) кафедру в столичном университете и удостоиться единогласного избрания в главную академию наук великой державы. Всего этого он заслуживал, как немногие. Но не получил, и понятно почему: был слишком талантлив, слишком умен, слишком независим... Детали значения не имеют. И как тут не вспомнить великого А.С. Пушкина: «Угроздило же меня родиться с умом и талантом в России!». Дело, конечно, не в России. В Европе в этом отношении ничем не лучше. Господствующая посредственность не переносит лучших. Ведь гениальный Александр Сергеевич тоже не был совсем уж обделен вышним признанием своих талантов: стал придворный поэт, советник царя и камер-юнкер. А потом получил пулю...

B.M. MIRKIN, S.V. MEYEN AND THE BRAUN-BLANKISM IN PALAEOBOTANY

Ignatiev Igor Anatol'evich

Scientist Researcher, Lab. of Palaeofloristics, Geological Institute of Russian Academy of Sciences; 7, Pyzhevsky Lane, Moscow, 119017, Russia; ignatievia@ginras.ru

Key words

B.M. Mirkin
the Braun-Blanquet approach
palaeobotany

Abstract. The contribution of Prof. B.M. Mirkin to the development of parasyntaxonomy – the study of diversity of ancient plant communities is considered. Correspondence between B.M. Mirkin and S.V. Meyen on these topics are presented. The cast of mind of B.M. Mirkin and his influence on the development of the Russian Braun-Blanquism are outlined.

Received for publication 28.05.2018